

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

СВЕТОЧИ
ТЬМЫ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Иллюстрация на обложке *К. Киланяц*

Редактор серии *А. Самофалова*

Корсакова, Татьяна.

К69 Светочи тьмы / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-174071-9

Убийство ребенка — что может быть хуже? Как так получилось, что среди сотрудников элитной школы для одаренных детей оказалось несколько человек, которые попали под влияние древней нежити и стали совершать подобные злодеяния? Всё это предстоит выяснить старшему следователю Самохину.

Свечной человек, яркий факел, который вдруг зажегся на вершине Свечной башни и озарял всю округу, — бред, страшилки... Собранные факты оказались не такими уж мистическими. А когда Мирослава Мирохина, которую чуть не убили в усадьбе тринадцать лет назад, раздобыла дневник архитектора Свечной башни, мистика и страшная реальность слились воедино...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174071-9

© Корсакова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Следователь Самохин отпустил Мирославу и Фроста только на рассвете. Отпустить отпустил, но взял обещание, что никто из них не будет покидать Горисветово без его ведома.

А в Свечную башню их больше не пустили. Мирослава порывалась вслед за Самохиным подняться на смотровую площадку, но он отмахнулся от нее, как от малого ребенка.

— Лестница в аварийном состоянии, Мирослава Сергеевна. Хватит мне и одного трупа.

Получилось резко, даже грубо, но она понимала, что это не со зла, что это такое весьма специфическое проявление заботы, поэтому не стала ни настаивать, ни обижаться.

Они с Фростом молча брели по утопающей в тумане парковой дорожке. Наверное, им нужно было поговорить, обсудить все, что с ними случилось. И этой ночью, и тринадцать лет назад. Но у Мирославы не хватило силы духа начать этот разговор. Да и что она могла сказать, если воспоминания ее до сих пор обрывочны, а чувства обострены до предела?! Мирослава понимала, что Фрост злится. Может быть, злится, а может, обижен. И это она — причина его злости и обиды. Может быть, не она нынешняя, но, вполне возможно, она прежняя. Ее хватило только на один невинный вопрос:

— Ты уедешь к себе?

Фрост ответил не сразу. Наверное, даже не расслышал того, что Мирослава сказала. Она уже решила, что не станет переспрашивать, когда Фрост заговорил:

— Я пока останусь в Горисветове. У меня здесь есть апартаменты.

— Апартаменты?..

— Комната в административном крыле. Мы с тобой соседи, Мирослава. Почти как тринадцать лет назад.

Тринадцать лет назад? Это было странно и мало походило на правду. Тринадцать лет назад была жива ее бабуля. Тринадцать лет назад она ночевала дома. Она — дома, а он — где? Как вообще он оказался в Горисветове тем летом? Это был безопасный вопрос, и Мирослава задала его:

— Откуда ты, Фрост? — Не повернулся язык назвать его Артемом. Может быть, потому, что она всего лишь догадалась, кто он такой. Догадалась, но не вспомнила. — Как ты попал в лагерь? Вот что я имею в виду.

Он точно не был деревенским. Деревенских Мирослава знала. Галу, например. А от Артема Морозова не осталось следа ни в ее памяти, ни в ее жизни.

— Из Перми. — Он усмехнулся какой-то горькой усмешкой. — У родителей тут поблизости была дача.

Мирослава знала этот дачный поселок. Именно там пару лет назад построил свой загородный дом Всеволод Мстиславович. Хорошее место, считай, элитное.

— Это было наше первое лето за городом. Я вообще-то не планировал никакого лагеря, но получилось так, что мой пермский преподаватель музыки узнал про Горисветово и составил мне протекцию. Собственно, это он уговорил Исаака Моисеевича позаниматься со мной. Вот так удачно все получилось.

Да уж, удачнее не придумаешь.

— Если ты жил с родителями на даче, то как ты мог быть моим соседом?

Спросить нужно было не это, спросить нужно было о том, что стало с его мечтой, но Мирослава не решилась. Или в глубине души уже сама все поняла про мечту? Это место убивало не только людей. Это место убивало еще и надежды. А Фрост, прежде чем ответить, посмотрел на нее долгим недоуменным взглядом, словно она спросила что-то глупое.

— Нас с тобой оставили в лагере на одну ночь, Мира, — наконец сказал он.

— Какую ночь?..

— Ту ночь, когда мы с тобой нашли в башне Леху, — сказал Фрост и ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен.

Разговор окончен, вот только Мирослава ничего не поняла. Или, вернее сказать, не вспомнила...

— Один вопрос! — Не из тех она, кто сдается так просто. — Фрост?..

Он обернулся, посмотрел на Мирославу в упор равнодушным, ничего не выражающим взглядом.

— Что было потом?

— Ты в самом деле не помнишь, Мира? — Взгляд его сделался сначала изумленным, а потом растерянным.

— Я не помню почти ничего, — отчеканила она. — Я не помню, но мне важно знать, что случилось потом.

— С кем?

Это был странный вопрос, настолько странный, что теперь растерялась уже сама Мирослава.

— Со мной. Что потом случилось со мной, Артем?

— Можешь звать меня Фростом, так будет проще.

— Хорошо. — Мирослава кивнула. — Так что случилось со мной, Фрост?

Какое-то время он просто молча смотрел на нее, а потом сказал:

— Я не знаю, Мирослава. Это был мой последний день в лагере. Родители забрали меня в Пермь.

Вот так, его забрали из лагеря, а на нее напал Свечной человек. Разошлись пути-дорожки...

Она больше ничего не стала спрашивать. Было очевидно, что ему неприятно вспоминать о случившемся тем летом. Ему было неприятно, а сама она просто не могла вспомнить. Такие дела...

Зато она могла кое-что узнать. Вот прямо сегодня, не откладывая ничего в долгий ящик! Для этого ей всего лишь нужно сделать над собой усилие, а еще нарушить обещание, данное старшему следователю Самохину.

С Фростом они расстались в коридоре.

— Где твоя комната? — спросила Мирослава, взявшись за ручку двери. Из вежливости спросила — не из любопытства. Кажется, любопытство свое она уже утолила. По крайней мере, в той части, которая касалась их общего прошлого.

— Там. — Фрост указал подбородком на соседнюю дверь.

Мирослава с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. Как так вышло, что она руководила школой и не знала, кто где живет?

— Ясно.

— Приходи в гости, если что. — Это уже Фрост сказал из вежливости.

Было очевидно, что между ними больше ничего нет. Их общее прошлое умерло вместе с Лехой этой ночью.

Мысль была такой колючей и такой болезненной, что отвечать Мирослава ничего не стала, просто молча кивнула и открыла свою дверь. Оказавшись у себя, она первым делом проверила ванную комнату. Ожидаемо, все было в идеальном порядке: никакой воды на полу, никакой ведьмы. Галлюцинации хороши уже хотя бы тем, что не оставляют после себя беспорядка. Но когда все это закончится, нужно обязательно показаться спе-

циалисту. И теперь уже не психологу, каким бы модным и дорогим он ни был, а психиатру.

Четверть часа Мирослава потратила на то, чтобы привести себя в порядок, а еще полчаса ушло на то, чтобы собраться с духом.

В последний раз она была в своем деревенском доме сразу после бабушкиных похорон. С тех пор — никогда. Не могла себя заставить. Чего боялась? Может быть, просто воспоминаний. А может быть, боли от воспоминаний. Как бы то ни было, но время пришло. Прихватив с прикроватной тумбочки ключи от машины, она вышла из комнаты.

Мирославе повезло, по дороге к стоянке она никого не встретила. Ей еще придется объясняться и с шефом, и с Лисапетой, и по поводу случившегося ночью, и по поводу утреннего бегства, но это потом, а пока ей просто жизненно необходимо побыть наедине с самой собой. К деревне быстрее и проще было бы дойти пешком по дну оврага, но Мирослава побоялась. Кажется, она никогда больше не сможет спуститься в этот чертов овраг, не сумеет себя пересилить. Поэтому машина и объездной путь!

Их дом стоял на окраине. Это была не та окраина, что примыкала к оврагу, а другая. Чтобы добраться до дома, Мирославе нужно было пересечь всю деревню. В детстве этот путь казался ей очень длинным, а деревня огромной. Взросление разрушило магию. Путь был совсем короткий, а деревня уже не впечатляла размерами.

Дом не выглядел заброшенным. Наличники были выкрашены в нарядный белый цвет, в палисаднике зацветали первые хризантемы. Дом казался живым и жилым, но это было обманчивое впечатление. Мирослава исправно платила соседям, чтобы те содержали дом в надлежащем виде: проводили косметический ремонт,

ухаживали за садом. Соседи думали, что она планирует рано или поздно дом продать, а она просто не знала, как с ним поступить, что делать с памятью о бабуле.

У нее была запасная связка ключей, поэтому тревожить соседей не пришлось. Металлическая калитка открылась без скрипа, двор был аккуратнo подметен, прохуdivшиеся ступени на крыльчке заменили на новые, но так и не покрасили, и теперь они выделялись более светлым цветом. Прежде чем вставить ключ в замок, Мирослава сделала глубокий вдох. Показалось, что стоит только открыть дверь, как она услышит ворчливый бабушкин голос и почувствует запах смородинового варенья. Стоит только открыть эту дверь, как ее собьет с ног сквозняком мучительных воспоминаний. Ничего, она справится. Она и не с таким справлялась!

В свой отчий дом Мирослава вошла решительным шагом, как будто не бросила его на долгие годы. В доме ничего не изменилось, разве что яркий и вкусный запах смородинового варенья сменил едва уловимый запах пыли и полироли. Захотелось вдруг крикнуть: «Бабуля, я пришла!» И ворваться на кухню, как в детстве.

Не крикнула и не ворвалась, минуя кухню, сразу прошла в комнату, служившую им обоим одновременно и гостиной, и рабочим кабинетом, и библиотекой. На какую-то долю секунды Мирослава испугалась, что за минувшие годы библиотеку могли разграбить, а потом ей сделалось смешно. Кому сейчас нужны книги? Нет, кому-то определенно нужны, но эти люди никогда не станут вламываться в бесхозный дом.

Мирослава остановилась перед книжным шкафом, пробежалась кончиками пальцев по пыльным корешкам. За домом следили, но в шкаф не заглядывали уже давным-давно. Она не стала перебирать книги, стоящие на открытых полках, присела на корточки, распахнула дверцы нижнего яруса. Здесь, вдали от посторон-

них глаз, бабуля держала все самое ценное, все то, что должно было перейти Мирославе по наследству. Оно перешло, а она не взяла.

Здесь, на нижних полках, лежали не только книги, но и семейные фотоальбомы. Кусочки ее прошлой счастливой жизни. Не из-за них ли она не забрала себе библиотеку, не из-за этих вот бумажных свидетельств того, что когда-то давным-давно у нее была счастливая и нормальная жизнь? Тогда не забрала, а сейчас непременно заберет! Вот и сумка у нее с собой есть, специально прихватила для этих целей!

Мирослава бережно сложила альбомы в дорожную сумку, уселась перед шкафом по-турецки, как в детстве. Помимо фотоальбомов, здесь хранились ее детские рисунки, аккуратно разложенные по картонным папкам с датами. Если верить датам, рисовать она начала в три года, а закончила в тринадцать.

Дальше шли книги. Те самые книги, ради которых она и решилась на эту вылазку. Книги нужно обязательно забрать, потому что это память! Не ее, а ее рода! И этим книгам не место на нижней полке шкафа, стоящего в заброшенном доме. Мирослава найдет им более подходящее место. Непременно найдет! А пока она должна найти еще кое-что.

Это тоже был альбом. Большой альбом, обтянутый кое-где истрепавшимся и потерявшим цвет синим бархатом. Это был альбом с набросками, чертежами и рисунками. Мирослава сразу догадалась, что рисунки сделаны разными людьми. Одни были четкими, резкими, в чем-то даже небрежными, но очевидно профессиональными. Над вторыми работали с трепетом и любовью. На первых были здания, элементы каких-то статуй. На вторых — в основном пейзажи и удивительные нездешние картины. Одни рисовал кто-то опытный, но уставший от жизни, вторые — кто-то юный и верящий в чу-

деса. На первых стояла размашистая подпись, в которой отчетливо читалось «А. Берг», а вторые принадлежали какой-то Айви. Были тут и чертежи — четкие, выверенные до миллиметра, с непонятными техническими надписями. На них не было никаких подписей, но Мирослава и без того знала, кому они принадлежали. Это было ее наследие, крохотная крупичка чуда, которое она по глупости едва не потеряла. Это была история ее рода в картинках, история, зародившаяся в Чернокаменске, на острове посреди озера. История, в которой было место и прекрасным принцессам с необычными звонкими, как ручеек именами, и благородным рыцарям, и даже драконам. Вот они все на одной картинке: дама, рыцарь и дракон! Вот маяк, похожий на рвущуюся к небу гигантскую змею. Наверное, из-за стен, сложенных из черного камня, издаലെка похожего на чешую. Вот светлоглазая, высокоскулая девушка удивительной красоты с белыми волосами и изящным медальоном в виде серебряной ласточки. Девушка стоит на утесе, у ног ее плещутся беспокойные волны, а мечтательный взгляд ее устремлен куда-то вдаль. И все та же размашистая подпись Августа Берга, и трогательная надпись «Наша Айви». Вот такая она — девушка, которая рисовала удивительные картины и прекрасные пейзажи.

А вот молодой человек лежит на траве, подперев голову рукой и улыбается той, что решила написать его портрет. На его запястье — железный браслет, а в чертах лица угадывается что-то невероятно знакомое. Под портретом надпись «Федя».

Их много — этих портретов и набросков, их нужно изучать, с ними нужно идти в чернокаменский архив к Ивану, потому что это такой пласт, такая машина!

А пока вот он — великий и ужасный Август Берг! На первый взгляд, смешной толстяк, с редкими кудрями и нелепым шейным платком, а на второй — уже не

смешной, а грустный. На этом портрете нет подписи, но руку Айви Мирослава уже узнает безошибочно.

А пока вот два портрета одной и той же женщины, высокой, худой, в строгом черном платье и вдовьем платке. На одном портрете, который рисовала Айви, женщина сдержанно улыбается, на втором, сделанном Бергом, смотрит на зрителя строго и очень серьезно. И этот второй портрет подписан так, что все сразу становится понятно. «Моя Евдокия» — вот так ее зовут. Вот так он ее называл. А на самой последней странице — та же женщина, но уже не живая. Она «как живая», но для Мирославы очевидно, что это не человек и даже не статуя, это... надгробие. Это та память, которую позволил оставить себе Август Берг.

А дальше уже фотографии. Высокий и статный молодой мужчина, хрупкая женщина в изящном платье, маленькая девочка, невероятно похожая на Айви. На руках у женщины щекастый младенец, а у ног огромный дог. Вот и началась задокументированная ее, Мирославы, история, потому что вот этот щекастый младенец — это Федор Викторович Серов, — ее прапрадед. А высокий красавец — тот самый Виктор Серов, помощник и, надо думать, друг Августа Берга. Женщина — его жена, урожденная графиня Шумилина. А девочка... а про девочку бабушка не рассказывала. Как и про тех людей, чьи портреты всю жизнь бережно хранила в альбоме. Ничего, Мирослава все выяснит сама. Как же ей хочется все выяснить!

Оставалась последняя папка. Она не лежала с остальными, она словно специально была спрятана за кипой какой-то ненужной, даже неуместной здесь периодики. Мирослава заметила ее случайно, подцепила, вытащила на божий свет. Это была одна из тех папок, в которые бабуля складывала ее рисунки. Вот только на этой папке не было ни дат, ни надписей. Надписей не было, но содержимое точно было.

Мирослава была смелой, по крайней мере, считала себя такой, но, когда она развязывала завязки на этой безымянной папке, руки ее дрожали. И открыть ее она смогла не с первой попытки. Пришлось настраиваться, уговаривать себя, что ящик Пандоры надежно спрятан в комнате с ментальным бараклом, а здесь, в этой папке, нет ничего опасного. С уговорами и самообманом ничего не вышло, пришлось просто открыть папку...

От первого же рисунка ее сердце перестало биться. Потом оно останавливалось еще не раз, останавливалось, заставляя Мирославу почти умереть, и когда перед глазами уже темнело, срывалось в бешеный галоп.

Первый рисунок был сделан кем-то неопытным и неловким. Не Бергом и не Айви. Это была скорее схема, чем полноценный рисунок, но Свечная башня на ней узнавалась безошибочно. Подпись нашлась на обратной стороне. По-детски старательным почерком было выведено «Свечная башня. Л. Ступин». Фамилия показалась Мирославе смутно знакомой, но прошло несколько мгновений, прежде чем она поняла, что видела ее в архивных подборках газет. Леонид Ступин — тот самый воспитанник Агнии, ради которого Август Берг согласился приехать в Горисветово. Значит, задумка с башней и в самом деле была не мастера Берга, а вот этого юного мальчика? Значит, Разумовский ошибся в своих предположениях? Или не ошибся? Потому что вот второй рисунок, уже куда более техничный и уверенный, с четко прорисованными деталями, с какими-то расчетами на полях. И это точно рука Августа Берга! Рисунок был подписан просто «Горисветовская башня». Чувствовалось, что рисовалась она не с натуры, а, как говорится, «из головы».

На третьем рисунке была клетка. Та самая гигантская клетка. Рисунок был сделан второпях, на клочке бумаги, но с указанием всех размеров. Снизу было

написано все тем же старательным почерком: «Что это такое?» Поскольку набросок сохранился в бумагах, доставшихся ее предку от Августа Берга, можно было сделать вывод, что Берг вел переписку с Леонидом Ступиным.

Четвертый рисунок так же был сделан на клочке бумаги. Черная громада Свечной башни и яркое пламя на смотровой площадке. Пламя с фитилем в виде человеческой фигуры. Наверное, рука Леонида дрогнула, когда он рисовал фигуру, потому что в том месте, где должна находиться голова, была дыра, прорванная острием карандаша. Никакой надписи под этим рисунком не было. Имелась лишь застывшая капля воска в самом углу. Мирослава осторожно поскребла каплю ногтем, понюхала. Запах был тот же — воск и горечь диких трав.

На пятом рисунке снова была Свечная башня, только уже изнутри, только уже с лежащим у подножия лестницы мальчиком. Мирослава вздрогнула, уронила листок. Это был ее рисунок. Она точно знала, что ее, но совсем не помнила, когда его нарисовала. И мальчик на рисунке был Лехой, в этом не было никакого сомнения. Когда-то она умела очень хорошо передавать детали. Значит, Фрост сказал правду, значит, они и в самом деле нашли Леху...

Мирослава ласково погладила мальчика на картинке, вытерла скатившуюся по щеке слезу и потянулась за следующим рисунком. Этот рисунок был самым обычным, хоть и сделанным в какой-то небрежной, истеричной даже манере. Но все равно это была ее рука и ее манера. И нарисовала она портрет дяди Мити. Когда нарисовала — большой вопрос. Дядя Митя смотрел на нее очень внимательно, даже требовательно. Лицо его было искажено то ли страхом, то ли болью, то ли яростью. А может, и тем, и другим, и третьим. Все эмоции

были так очевидны, потому что глаза его не были привычно защищены толстыми стеклами очков. А может, потому, что нарисованный дядя Митя был моложе себя нынешнего. А может, потому, что его плечо сжимала тонкая женская рука с длинными пальцами. Сжимала, впиваясь острыми ногтями в грубую ткань ветровки. Волосы на загривке снова затрещали, а по позвоночнику побежал привычный уже холодок. Мирослава пригладила волосы, поднесла рисунок к глазам. Она прежняя, она маленькая, стерла эту женскую руку ластиком. Стерла в ярости, а может, в страхе, но нажим карандаша был таким сильным, что рука все равно осталась на портрете, только сделалась едва заметной, призрачной. Мирослава отложила этот рисунок к просмотренным и потянулась за следующим.

На нем была нарисована Свечная башня. Этот рисунок был почти точной копией той картинки, что нарисовал Леонид Ступин. Та же рвущаяся в темное небо громада, тот же огонь на смотровой площадке с человеческой фигурой вместо фитиля. Рисунок был сделан в той же порывисто-истеричной манере, что и портрет дяди Мити. Те же размашистые, грубые линии, то же господство черного над белым, но, безусловно, это был ее рисунок. В этом у Мирославы не было никакого сомнения. Это как увидеть собственную подпись...

В папке оставался самый последний листок. Он лежал картинкой вниз, но нажим карандаша был такой силы, что рисунок проступал на бумаге, словно вены на человеческой коже. Мирослава сделала глубокий вдох и, так и не выдохнув, перевернула листок картинкой вверх. Перевернула, отшатнулась и зажала рот руками, чтобы не заорать в голос.

С рисунка на нее смотрела ведьма. Та самая ведьма из ее видений. Вместо кос у нее были змеи, вместо глаз черные дыры, с ее серого рубища стекала вода, а когти-

стыми птичьими лапами она тянулась к той, что посмела нарушить ее многолетний покой, к той, кто посмела с помощью простого карандаша призвать ее в этот мир...

Мирослава не знала, как долго она просидела на полу, прижавшись спиной к стене, обхватив голову руками. Не знала, сколько времени ей понадобилось на то, чтобы прийти в себя. Наверное, много, потому что в себя ее привел лишь настойчивый телефонный звонок. Звонил Всеволод Мстиславович. Шеф желал знать, куда она подевалась в такое сложное для школы время и когда, черт побери, планирует приступить к своим непосредственным обязанностям. У Мирославы хватило выдержки, чтобы пообещать вернуться в самое ближайшее время и оборвать шефа едва ли не на полуслове, а также мужества на то, чтобы собрать с пола рассыпавшиеся листочки, сложить их в папку и запихнуть папку в сумку. Вот только на все остальное сил и решительности уже не хватило. Окружающий мир сделался черно-белым, как ее детские рисунки, словно бы кто-то невидимый только что высосал из него все краски. Из мира — краски, а из самой Мирославы — жизненную энергию.

Если бы не творящийся в Горисветове ужас, она уже сегодня записалась бы на прием к психиатру, но чувство долга гнало ее обратно в школу. Чувство долга и острое желание вспомнить все.

В Горисветове царили хаос и паника. На автостоянке Мирослава обнаружила с десяток дорогих авто, а в холле центрального корпуса толпились возбужденные и взволнованные родители. Наверное, те самые, что решили не забирать своих чадушек после первого

убийства. Тогда решили не забирать, а теперь вдруг одумались. Всеволод Мстиславович был тут же — успокаивал, убеждал, обещал непременно со всем разобраться. Мирославу он встретил полным раздражения взглядом и этим же взглядом дал понять, что вот теперь, на этом критическом этапе, она уже не нужна, что с ней он разберется позже, когда решит более насущные проблемы. Мирославе подумалось, что насущные проблемы стали неразрешимыми уже в тот момент, как появились. Что разбираться с ними нужно было не сегодня и даже не в день самого первого убийства, а много лет назад. Свечная башня стала для этого места своего рода громоотводом. Вот только притягивал этот громоотвод не молнии, а зло. Чистейшее выкристаллизованное зло.

Мирослава не стала оставаться в холле, у нее были дела поважнее. И у нее были вопросы, на которые она рассчитывала получить ответы уже сейчас.

Дядя Митя оказался там, где и должен был быть — в конюшне. Под звуки льющегося из приемника блюза он давал корм лошадям.

— Здравствуй, девочка, — сказал он, не оборачиваясь. И как только узнал о появлении Мирославы?

— Здравствуй, дядя Митя. — Мирослава застыла в дверном проеме, не зная, как правильно поступить. — Мне нужно с тобой поговорить. Найдешь минутку?

— Для тебя, девочка, всегда и сколько угодно! — Дядя Митя погладил Белоснежку по холке, поставил в проходе сумку с овсом и направился к Мирославе. — Решила не принимать участия в том дурдоме? — Он очевидно намекал на визит родителей.

— Отстранили. — Мирослава пожала плечами.

— Почему ты сразу ко мне не пришла? — Дядя Митя вытер руки о джинсы, подошел вплотную. Его лицо, доброе и взволнованное, никак не походило на

то, что она нарисовала тринадцать лет назад. — Бедный парень.

— У меня были кое-какие дела.

Так больно и так страшно подозревать самого близкого, самого родного, считай, единственного оставшегося у нее друга. Больно, но она должна знать правду!

...Они сидели на скамейке возле конюшни, между ними лежала открытая папка с рисунками.

— Где ты это взяла? — спросил дядя Митя, закуривая.

— Дома. Нашла в бабушкиных бумагах.

Он кивнул, глубоко затянулся сигаретой и спросил:

— Так что ты хочешь знать, Мира?

— Я хочу знать, что это за рисунки и почему бабушка их спрятала.

— Я советовал сжечь. — Он выпустил почти идеальное колечко дыма. — Твой лечащий врач тоже.

— Какой врач?

— Психиатр. Ты нарисовала эти картины вскоре после своей... — Он запнулся, а потом решительно продолжил: — Вскоре после своего возвращения.

— С того света?

— Да. Поначалу психиатр посчитал этот метод полезным. Регрессология. Слыхала небось?

Еще бы она не слыхала! Всякий уважающий себя шизик знает, что такое регрессивный гипноз.

— Врач подумал, что вот это всё, — дядя Митя кивнул на рисунки, — поможет тебе.

— Поможет в чем? Вспомнить, что со мной случилось до момента смерти?

— Я бы расширил список. — Он невесело усмехнулся. — До смерти и во время смерти.

— Охренеть! — Мирослава откинулась на спинку скамейки, на мгновение прикрыла глаза. — И что из меня вытянул этот ваш регрессолог-самоучка?

— Сначала вот это. — Дядя Митя взял в руки листок со своим портретом.

— Тебя?..

— Меня. В полиции надеялись, что ты сможешь нарисовать фоторобот своего убийцы, но у тебя ничего не получалось. Ты перестала рисовать, Мира, после того как...

— После того как умерла?

— Да. Психиатр подумал, что образ убийцы можно вытащить из твоего подсознания, погрузив тебя в гипноз. Твоя бабушка была против, но ты настояла.

— Я?

— Да, ты хотела знать, кто тебя...

— Убил.

— Да.

— И я нарисовала тебя?

— Да. — Он снова усмехнулся.

— И что сказал психиатр?

— Психиатр сказал, что твое подсознание выдало не портрет твоего убийцы, а портрет твоего спасителя. Малый временной промежуток, огромный стресс для мозга при переходе «туда-обратно». Так он сказал.

Это было похоже на правду. Нет, это не могло быть ничем, кроме правды! Но оставался еще один вопрос, почему она нарисовала на плече дяди Мити ту страшную руку.

— А это? — Мирослава коснулась рисунка и тут же отдернула руку. — Что это было за твоим плечом? Кто это был?

— Мы долго размышляли над этим. Возможно, так твое подсознание представляло смерть. Могло такое быть? — Дядя Митя посмотрел на Мирославу очень внимательно.

— Наверное. — Она все еще не была ни в чем уверена. — А что я нарисовала дальше, какой рисунок?

— Вот этот. — Дядя Митя положил на скамейку листок с нарисованным на нем Лехой. — Это же тот мальчик? Ваш с Артемом друг, так?

— Да, это он. — Мирослава кивнула.

— Это было одно из твоих самых ярких воспоминаний незадолго до...

— До смерти! Дядя Митя, давайте называть вещи своими именами.

— Хорошо, до смерти. Этого мальчика нашли в Свечной башне у подножия лестницы. Знать об этом ты никак не могла. Если только...

— Если только не видела его там своими собственными глазами, — закончила за дядю Митю Мирослава.

— Да. Мы с твоей бабушкой так и решили. Подумали, что ты могла это видеть.

— Я видела. Фрост... Артем говорит, что это мы нашли его первыми.

Дядя Митя не стал спрашивать, почему они не общились взрослым, и Мирослава была ему за это признательна. У нее все равно пока не было ответа на этот мучительный вопрос. Она могла лишь предположить, что они просто испугались...

— Вот это? — Она указала на третий рисунок с горящей башней.

— Тут сложно. Видеть такое в реальной жизни ты, ясное дело, не могла. Помню, тогда психиатр сказал, что мы ступаем на зыбкую почву предположений и догадок.

— Регрессия — это отчасти и о прошлых жизнях, так?

— Отчасти. А еще об особой настройке психики. Очень тонкой настройке, когда человек может видеть то, что не дано обычным людям.

— Я вижу вот это! — Мирослава сама не ожидала, что сорвется на крик, сорвется и почти в лицо швырнет

дяде Мите самый последний рисунок. — Я до сих пор вижу вот это! О какой настройке психики ты ведешь речь?

Он не отшатнулся и не разозлился, он обнял Мирославу за плечи, погладил по голове, как в далеком детстве.

— Я схожу с ума, — сказала она шепотом. — Дядя Митя, у меня галлюцинации, а это значит, что я схожу с ума.

— Мира, — его голос тоже упал до шепота, — в своей жизни я не видел человека смелее, сильнее и разумнее тебя. А в своей жизни я повидал всякого. Можешь мне поверить, девочка. Ты не сходишь с ума.

— А что тогда? — Ему хотелось верить. Он был мудрым и добрым. Он был ее единственным другом.

— Я не знаю. Но это точно не сумасшествие.

— Тонкая настройка психики? — Мирослава усмехнулась и слегка отстранилась, чтобы было легче взглянуть дяде Мите в глаза.

— Есть многое на свете, друг Горацио... — продекламировал он и тоже усмехнулся. — Ну что, девочка, я ответил на твои вопросы? Ты успокоилась?

— Да. — Мирослава кивнула.

Дядя Митя снова посмотрел на нее очень внимательно и, кажется, недоверчиво, а потом вдруг спросил:

— Где ты видела эту... это существо? — Взгляд его скользнул по рисунку с ведьмой.

— Ты имеешь в виду, при каких обстоятельствах и в каком месте у меня случались галлюцинации?

— Если тебе больше нравится такая постановка вопроса.

— Мне не нравится, но я отвечаю. — Мирослава снова сделала глубокий вдох. — Я видела ее дважды за последнюю неделю. И оба раза в своей ванной комнате. Смешно, правда?

— Нет. — Дядя Митя покачал головой. — А при каких обстоятельствах, можешь мне сказать?

— Только тебе и могу. — Мирослава скрестила руки на груди. — Тебе и своему будущему психиатру. Первый раз я принимала ванну, и эта... это существо меня топило. Кажется, топило. Я так испугалась, что плохо запомнила.

— А второй раз?

— А второй — прошлой ночью. Оно уже само выбралось из моей ванны.

— Ванна была наполнена водой?

— Тогда мне показалось, что да, до краев. А когда глюк закончился, воды в ванне не оказалось. В отличие от прошлого раза.

— Было еще что-то?

Эх, была не была! Сгорел сарай, гори и хата! Так бы сказала бабуля, — вспомнила Мирослава. Она ведь уже призналась дяде Мите в собственном психическом нездоровье. Одним симптомом больше, одним меньше.

— Самый первый раз, ну, когда она меня топила, в ванне остались реальные следы. Мне потом несколько часов пришлось их оттирать.

— Какие следы?

— От воска. Обычный свечной воск с какой-то цветочной отдушкой. Дикость, да? Словно я принимала восковую ванну. Я принимала ванну, а эта... ведьма решила меня слегка притопить. Бывают же такие удивительно реалистичные глюки, да?

— Почему реалистичные? — спросил дядя Митя.

— Потому что воск в ванне я потом оттирала несколько часов.

— Да, нетипичная для галлюцинации ситуация, — сказал дядя Митя задумчиво.

— Мне тоже так кажется. Я уже думаю, может, выбросить эту ванну к чертовой матери! И плевать, что она особенная.

— А в чем заключается ее особенность?

— Она антикварная. Ну, знаешь, такая на курьих лапах! То есть на самом деле лапы грифоньи. — Мирослава усмехнулась. — Но выглядят как курьи. Я нашла эту красоту в подвале, она вся была вот в этом всем... В воске, дядя Митя! Ванна была в воске и чем-то черном, как... — Она замолчала.

— Как что? — спросил дядя Митя, протирая уголком рубашки свои очки.

— Как клетка, которая на смотровой площадке башни. Клетка тоже испачкана. Ты ее вообще видел?

— Нет, не возникало желания подниматься по аварийной лестнице. — Дядя Митя посмотрел с укором. — И тебе, Мира, я бы тоже не советовал. Но ты ведь не прислушаешься к моим советам, да?

— Я там уже была. Как видишь, выжила. Но место темное. — Это словечко само сорвалось с языка. — Там такая аура... Там даже страшнее, чем в моей ванной! — Мирослава коротко хохотнула. Теперь дядя Митя точно запишет ее в сумасшедшие. Ничего страшного, признание болезни — уже первый шаг к исцелению.

— Она тут такая везде, — сказал он очень тихо.

— Тут — это где? В Горисветове?

— Да. Не все это чувствуют, но такие, как ты...

— С тонкой душевной организацией?

— Да, люди с тонкой душевной организацией могут понять об этом месте куда больше остальных.

— А ты? Как у тебя дела с организацией? — Мирославе и в самом деле было очень интересно, что думает дядя Митя о происходящем.

— Ты спрашиваешь, из какой я когорты: физиков или лириков?

— Ну, вроде того. Так кто ты?

— Я физик, — сказал дядя Митя, а потом добавил: — Сомневающийся физик.

— Видишь! — Мирослава хлопнула себя по обтянутым джинсами коленкам. — Ты хоть и сомневающийся, но нормальный, без прибабаха.

— Ты тоже без прибабаха, Мира.

— Хотелось бы в это верить, но пока что-то плохо получается. Ладно, дядя Митя! — Она решительно встала. — Спасибо тебе!

— За что? — Он тоже встал.

— За то, что выслушал все это. — Мирослава сгребла рисунки обратно в папку. — Мне полегчало, честное слово!

— Она не сможет тебе навредить, — сказал дядя Митя, закуривая сигарету и прикрывая ладонью от ветра слабый огонек.

— Потому что она глюк?

— Потому что бояться нужно живых, а не мертвых, девочка.

— Резонно. Леху с башни столкнул не призрак и не ведьма, а живой человек. — Она чуть не добавила «оба раза», но прикусила язык. — И детей убивает не призрак...

— Я переживаю за тебя, Мира. — Дядя Митя наконец управился с сигаретой. — Это место становится слишком опасным. Уезжай.

— Не могу. — Она и сама не знала, почему не может уехать, что держит ее в Горисветове. Но что-то держало крепко-накрепко. — Но обещаю, что буду осторожна.

Дядя Митя ничего не ответил, лишь легонько коснулся ее плеча.

День выдался сумасшедшим. Впрочем, чего еще было ожидать? Второе убийство за несколько дней. И пусть убитый уже далеко не ребенок и не задушен, как остальные жертвы, а сброшен с высоты, все равно Самохин шкурой чувствовал, что эти два убийства связаны. И между собой, и с этой чертовой усадьбой.

А усадьба всего за пару часов превратилась в расстреленный улей. Самохин очень надеялся, что к ночи в школе не останется ни одного ребенка. С серийными убийствами проще разбираться, когда не нужно переживать еще и за потенциальных жертв.

Терзало его и еще кое-что. То странное вещество, что нашли на дне и на прутьях гигантской птичьей клетки. Птичья клетка на смотровой площадке башни — само по себе любопытное явление, но вот это вещество... По предварительным данным, это был воск. Воск и сажа. Точнее, эксперт пообещал рассказать позже. Эксперт был заинтригован точно так же, как и сам Самохин. И, надо сказать, такое с ним случалось крайне редко.

— Похоже на гигантскую жаровню, — сказал эксперт, стягивая медицинские перчатки.

— Ничего себе — предварительное заключение, — хмыкнул Самохин, но в памяти зашевелилось что-то такое-этакое. Что-то из области легенд, связанных с усадьбой Горисветово. Словечко какое-то все вертелось, пока не всплыло наконец на поверхность.

Светоч! Вот что это было за словечко! В этой чертовой усадьбе был культ свечей и света. Светоч из той же оперы. Рассматривать его требовалось с фигуральной точки зрения. Светоч знаний — милота и благолепие! А если рассмотреть его буквально? Если светоч — это что-то осязаемое?

— Костерок тут раскладывали, что ли? — спросил он, сдвигая шляпу на затылок и потирая лоб.

— Или собирались разложить, — сказал эксперт мрачно.

— Ты про бензин? — Самохин начал понимать, куда он клонит.

Внизу, в развалах мусорного хлама, нашли пятилитровую пластиковую бутылку с бензином. Разумеется, бутылку тут же изъяли, обработали на предмет возможных отпечатков. Тогда не передали этой находке особого значения, а теперь вот задумались.

— Не только. — Эксперт сунул перчатки в карман, осмотрелся. — Я обнаружил такие же следы на одежде, подошвах и кожных покровах трупа. В частности, на ладонях. Уверен, мы найдем его отпечатки на прутьях клетки.

— Он осматривал клетку? — предположил Самохин. — Осматривал и испачкался в сажу?

Эксперт посмотрел на него с сомнением, а потом словно окончательно что-то для себя решив, сказал, понизив голос:

— Не для протокола, а в качестве рабочей гипотезы.

— Уяснил. — Самохин кивнул.

— Потерпевшего пытались запихнуть в клетку, а он сопротивлялся. Он ухватился за прутья вот тут и тут. — Эксперт указал на следы, которые Самохин сам бы ни за что не разглядел. — И уперся ногами, пока его толкали в спину. Следы сажи есть только на носках его кроссовок. Кстати, очень дорогих кроссовок. Я к таким больше года присматриваюсь. Да вот не по карману они мне.

— Он ими вроде как тормозил? — догадался Самохин.

— Вроде как. — Эксперт кивнул.

— А зачем кому-то было нужно заталкивать бедолагу в клетку?

Эксперт посмотрел на него с высокомерным превосходством.

— А вот это ты мне скажи, Петр Иванович, зачем. Это уже твоя работа.

Не то чтобы Самохин так уж любил головоломки, но вызов принял и старательно, уже другим взглядом осмотрел площадку и клетку. Его внимание привлекли два кольца. Одно приваренное к дверце клетки, а второе — к ближайшему пруту. На черной саже, покрывающей кольца, были отчетливо видны свежие царапины.

— Здесь висел замок, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Замок, чтобы закрыть жертву в клетке...

Он снова потер лоб. За спиной послышался тонкий перезвон проволочных ангельских крыльев. Нет, не послышался, а почудился. С некоторых пор этот звук стал для Самохина знаком того, что он на верном пути.

— Наверное, убийца рассчитывал застать жертву врасплох, но та оказала сопротивление. Завязалась борьба, в результате которой парень упал с башни.

— А представь, что у убийцы получилось запереть жертву в клетке, — сказал эксперт и поежился, то ли от холода, то ли от собственных предположений. — А вспомни, что мы нашли бензин.

— Жаровня... — сказал Самохин и сам невольно поежился.

— Жаровня. — Эксперт кивнул. — Причем древняя. Я тут в золе и воске нашел кое-что любопытное. Фрагмент кости. Больше пока ничего не скажу, но не нравится мне все это, Петр Иванович. Ох как не нравится!

— Останки человеческие? — Волосы на загривке у Самохина встали дыбом. И теперь точно не от холода,

а от ужаса. — Давность преступления тоже никак не определить?

— Если оно вообще было, это преступление. — Эксперт пожал плечами, шагнул к люку и ведущей вниз лестнице, чертыхнулся. — Как же я люблю свою работу! — сказал с досадой, а потом крикнул кому-то внизу: — Вы хоть подстрахуйте меня там! Я вам не высотник-монтажник!

— Но версия рабочая? — спросил Самохин, когда он уже наполовину скрылся в люке.

— Версия любопытная, — проворчал эксперт и с раздраженным кряхтением начал спускаться по лестнице.

А Самохин подумал, что на бутылке с бензином наверняка не найдут никаких отпечатков. А еще он подумал, что очень удобно носить перчатки. Хоть латексные, хоть лайковые. И объяснение уже заготовлено, и недуг продемонстрирован в самый первый день знакомства. Ловкий малый — этот патлатый айтишник. А он, старший следователь Самохин, полный дурак! Надо было сразу же осмотреть кожу и одежду этих двоих. Особенно перчаточки. Но кто ж тогда знал? А сейчас уже поздно, сто раз можно было и помыться, и одежды постирать, и перчаточки выбросить. И девчонку притащить в башню в качестве алиби!

Тренькнул мобильный, оповещая Самохина о приходе сообщения. На его электронную почту приходили только рабочие письма, с близкими он предпочитал общаться через мессенджеры. Это был ответ на его запрос, касающийся гражданина Дмитрия Леонидовича Елагина, Мирославиного спасителя. Когда Самохин отправлял этот запрос, за спиной у него тоже едва различимо звенели проволочные ангельские крылья. Наверное, потому он почти не удивился прочитанному. Здесь, в Горисветове, затягивались в тугую змеиный

клубок события, судьбы и люди, а ему, старшему следователю Самохину, по всей видимости, предстояло стать тем, кто клубок этот распутает. Вот такая у него нынче миссия...

Тишина в Горисветове наступила ближе к вечеру. Разъехались родители, разобрали своих чадушек. Всех, без исключения! Не избежать теперь Всеволоду Мстиславовичу скандала, позора и глумления. А ей, Мирославе, увольнения. Она не уберегла, не защитила школу, позволила слухам просочиться за пределы. Мало того, она сама посмела стать источником этих слухов. Она нашла на территории школы мертвое тело! А мертвое тело на территории — это совсем не то, что за территорией. Это на веки вечные испорченная репутация! Кто захочет отдать свою кровиночку в заведение, в котором орудовал убийца?! Даже если убийцу поймают, никто не захочет. Потому что черную ауру не смыть дезсредствами. Потому что черная аура — это нечто одно временно эфемерное и опасное...

Шефа Мирослава нашла в своем кабинете. В своем теперь уже бывшем кабинете. Он сидел за ее бывшим столом. На столе перед ним стояла бутылка виски и до краев наполненный бокал. Виски плескался и в мутном, полном ярости и отчаяния взгляде, который Горисветов устремил на вошедшую Мирославу.

— Ты меня разочаровала. — Несмотря на выпитое, голос его звучал ровно. — Я доверил тебе самое ценное, что было у моей семьи, а ты меня так разочаровала!

Мирослава не считала, что в случившемся была ее вина, поэтому не стала оправдываться. Черную ауру не отмыть, не замаскировать. И уж тем более в этой

усадьбе не место детям. Никогда здесь не было места детям! Ни сто лет назад, ни тринадцать, ни сейчас.

— Родители имеют право знать правду, — сказала она, останавливаясь напротив стола. Можно было сесть в кресло для посетителей, но Мирослава не стала этого делать. Всеволод Мстиславович и так смотрел на нее сверху вниз. — Это разумно, что детей забрали.

— Разумно?! — Все-таки его голос сорвался на крик. — Самонадеянная девчонка! Ты не смеешь решать, что разумно, а что нет! Здесь я все решаю! Я — Всеволод Горисветов!

— В первую очередь мы должны думать о безопасности детей. — Мирослава не боялась. Легко быть бесстрашной, когда ты уже все для себя решила, когда в твоей жизни есть страхи куда хуже взбешенного босса.

— Ты вообще не должна была думать! Ты должна была... — Он осекся, в отчаянии махнул рукой. Похоже, он и сам не знал, как нужно было действовать в сложившихся обстоятельствах. Впервые в жизни не знал. — Ты даже представить себе не можешь, во сколько мне обходится содержание этой богадельни!

Мирослава представляла. Возможно, не в деталях, но в общих чертах понимала.

— Если школа не сможет работать, а она не сможет! — Всеволод Мстиславович опрокинул в себя виски, коротко рыкнул, вытер покрасневшее от злости лицо рукавом пиджака. — Моей компании придется тащить на себе этот бесполезный, смердящий труп.

Мирослава не сразу поняла, что трупом он называет Горисветово, а когда поняла, поежилась. Похоже, ее босс тоже чувствовал черную ауру этого места. Непонятно другое. Зачем в таком случае ему усадьба? Мирослава видела документы и договор аренды. Можно сказать, она знала страшную тайну семьи Горисветовых.

Усадьба не была собственностью и полноправным владением, она была взята у государства в долгосрочную аренду. Усадьба, прилегающая к ней территория и Свечная башня. Вот это все никогда по-настоящему не будет принадлежать ни Всеволоду Мстиславовичу, ни Славику. Утраченное наследие — вот что это было на самом деле. Да и сами Горисветовы не были прямыми потомками той самой Агнии. У Агнии не было собственных детей, но у ее покойного мужа имелся племянник. Почти засохшая ветвь некогда славного рода с единственным чудом уцелевшим листком. Гонор и голубая кровь есть — денег нет. Вот так ситуация представлялась практичной Мирославе. А денег у Горисветовых не было. Об этом ей рассказывала бабуля. Бабуля знала все, считай, вела летопись. Записывать не записывала, но память имела крепкую и многим делилась с Мирославой, пока та была еще ребенком и пока ей еще были интересны подобные истории.

Всеволод Мстиславович свои детство и юность провел не в Горисветове, а в деревне. Папенька его работал бухгалтером в местном сельсовете, со слов бабули, ничего собой не представлял, но гонор имел непомерный и, приняв на грудь, любил рассказывать всем желающим о своей уникальной родословной. Наверное, единственному сыну тоже рассказывал, потому что Всеволод Мстиславович, тогда еще просто Севка, с юных лет носился со своей исключительностью. Был он умен и изворотлив, умнее и изворотливее всех своих сверстников. Потому, наверное, и планы перед собой ставил далеко идущие. Ставил и, надо сказать, достигал их. Он единственный по-настоящему интересовался историей Горисветова. Бабушка рассказывала, что отдала ему все, что имелось в библиотечном архиве и касалось усадьбы. Тогда словосочетание «библиотечный архив» казалось Мирославе просто фигурой речи, а теперь она

очень крепко задумалась. У бабули и в самом деле имелись бумаги, которым позавидовал бы и чернокаменский архив. Бабуля любила и берегла историю. Выходит, любила и берегла она не только историю своего рода, но и рода Горисветовых. Вот бы увидеть сейчас те документы! Но просить Всеволода Мстиславовича бесполезно. Чтобы попросить, нужно сознаться в том, что она знает его маленькую тайну.

Сказать по правде, Мирослава не видела ничего криминального в том, что шеф оказался человеком, который сделал себя сам. Парень из глухой провинции без посторонней помощи получил сначала достойное образование, затем достойную работу, выбился в люди, как сказала бы бабуля. Мирослава и сама была такой, выбивалась в люди, рвала жилы и когти, чтобы стать лучше и умнее остальных. У нее и самой, оказывается, имелась родословная. В ее венах тоже, оказывается, текла толика голубой крови, но, в отличие от Всеволода Мстиславовича, у нее и в мыслях не было взять в долгосрочную аренду один из маяков, к проектированию которых приложил руку ее далекий предок.

Отчасти нежелание это было связано с полным отсутствием геральдических амбиций, отчасти с тем, что Мирослава прекрасно понимала, какую головную боль приносит владельцу аренда памятника культуры. Вот такого, например, как Свечная башня! Если сам жилой дом Всеволод Мстиславович мог ремонтировать и перестраивать по собственному желанию, то все вопросы, касающиеся башни, решались с превеликим трудом и проволочками. Самое интересное в сложившейся ситуации было не в нелюбви шефа к Свечной башне, а в том, что на момент продления договора аренды от башни можно было отказаться. Эту информацию Мирослава узнала все от того же Славика два года назад, когда Всеволод Мстиславович вдруг решил снова возродить Горисвето-

во. Усадьбу отстроили и довольно успешно, а вот башня так и осталась стоять, запертая на амбарный замок.

— ...Ты разочаровала меня. — Шеф посмотрел на Мирославу сквозь толстое стекло бокала, покачал головой. — Не нужно было слушать Митьку и твою бабу! Не нужно было тащить тебя в новый мир, давать тебе все эти возможности! — Он неопределенно взмахнул рукой, наверное, описывая круг Мирославиных возможностей. — Ты никчемная! Ты даже со Славиком не сумела совладать! Ну, скажи, чего тебе не хватало? — Он с грохотом поставил бокал на стол. — Все тебе дал! Образование, должность, деньги! Единственного сына был готов на тебе женить, а ты? Что ты кобенишься, а? Ты же никто, шавка ты дворовая!

Мирослава отступила на шаг, посмотрела на шефа, теперь уже точно бывшего, с недоумением, словно видела его впервые в жизни.

— Ваш сын — садист, — сказала она медленно, почти по слогам. — Садист и социопат.

— И что такого? — Всеволод Мстиславович презрительно поморщился. — Он научился сдерживаться, контролировать себя. Что он сделал? Он ударил тебя, Мирослава?

— Попытался. — Она отступила еще на шаг, находиться в одной комнате с этим человеком было все тяжелее и тяжелее.

— Ты ему всегда нравилась. — Всеволод Мстиславович устало потер глаза. — Бьет, значит, любит! Небось слыхала? Ну, ударил бы он тебя... До смерти бы не забил! А потом бы раскаялся, на коленях перед тобой ползал бы, подарок бы дорогой подарил. Нормальная же жизнь могла быть!

— Вы сейчас шутите?

Она уже понимала, что Горисветов-старший не шутит, что возмущение его основано на искреннем, почти

детском недоумении. И если раньше у нее как-то получалось отделять Славика от его отца, то сейчас стало совершенно ясно, что это именно Всеволод Мстиславович тринадцать лет назад выписал своему единственному сыну индульгенцию, позволил обижать и унижать тех, кто слабее и беззащитнее. Ее, Мирославу, обижать и унижать!

— Я думал, что ты понимаешь правила игры. — Горисветов покачал головой. — Понимаешь и принимаешь. Тебе ведь очень хорошо заплатили, я заплатил.

— За что? За то, чтобы ваш ублюдочный сынок надо мной издевался?! — Мирослава вдруг сорвалась на крик, и крик этот эхом пронесся по кабинету, вырвался в открытое окно, шуганул сидящего на перилах балкона голубя. — Леше вы тоже заплатили? Или над ним можно было издеваться бесплатно?

Она вдруг осеклась, впилась взглядом в наливающееся нездоровым багрянцем лицо Всеволода Мстиславовича.

— Это же он сделал? — сказала она почти шепотом. — И тогда, тринадцать лет назад, и сейчас. Поэтому вы так нервничаете? Не из-за школы, не из-за репутации, а из-за того, что сделал ваш сын!

— Уничтожу! — Для пьяного человека Горисветов действовал необычайно ловко, от летящего бокала Мирослава успела уклониться лишь чудом. Он просвистел в нескольких сантиметрах от ее уха и врезался в дверной косяк. А Всеволод Мстиславович уже вставал из-за стола. — Если ты только вякнешь, если только попробуешь сунуться с разговорами к тому менту, я тебя закопаю.

— Только попробуйте! — Мирослава не стала больше пятиться, она шагнула навстречу и этому человеку, и собственному страху.

— Кажется, я недостаточно ясно выразился. — Шеф неожиданно успокоился, улыбнулся своей обыч-

ной снисходительной улыбкой. — Давай-ка поговорим про твой диагноз. Ты же психически нестабильная, Мирослава. Тебе же с самого детства мерещится всякое. И документальные свидетельства тому имеются, и аудиозаписи. И не надо мне сейчас рассказывать про врачебную тайну, нет у тебя от меня никаких тайн. Тайн нет, а диагноз есть. Так что сто раз подумай, прежде чем попытаешься навредить моей семье. Поверь, в моих силах организовать тебе принудительное лечение в очень элитном и очень закрытом заведении. Так сказать, по-родственному. А свидетелей твоей душевной нестабильности я найду, сколько хочешь. И никто тебе на сей раз не поможет. Даже твой дражайший дядя Митя. — Его улыбка вдруг сделалась шире и ярче. — Кстати, о защитниках! У них ведь тоже могут быть собственные тайны и собственные проблемы, поэтому не усугубляй, Мирослава. Не боишься за себя, пожалей того единственного человека, который до сих пор принимает участие в твоей судьбе. — Он снова уселся за стол, одернул рукава пиджака, сказал: — Надеюсь, мы поняли друг друга?

Мирослава поняла. Этот негодяй посмел угрожать не только ей, но еще и дяде Мите. Готова ли она прямо сейчас, не взвесив все «за» и «против», ринуться в бой? Не готова. Прямо сейчас — нет! Нужна информация. Нет, не информация, а факты и доказательства! А чтобы добыть доказательства, ей нужно время.

— Я вас поняла, Всеволод Мстиславович, — сказала она и сама поразилась, как спокойно и ровно прозвучал голос. — Могу я идти?

— Ступай! — В мгновение ока Горисветов-старший превратился из разъяренного чудовища в доброго босса. — И, Мирослава, если ты все еще хочешь покинуть свой пост, не спеши, дождись моего разрешения.

Дождись разрешения! Он и в самом деле решил, что она сдалась и успокоилась? Его мир был так прост и так

очевиден? Мужчины приказывают, женщины подчиняются? Вот в кого Славик.

Ничего, она со всем разберется, а пока ей нужно домой.

...Мирослава сразу поняла, что в ее комнате кто-то был. Несмотря на запертую на замок дверь, несмотря на забитую тяжкими думами голову. Это было даже не эфемерное шестое чувство, а твердая уверенность, заставляющая сердце биться в два раза быстрее, заставляющая тело группироваться и готовиться к бою.

Первым делом Мирослава проверила ванную комнату. Вторым — гостиную. В свою спальню она заглянула в самую последнюю очередь, уже зная, что никого не найдет. Но кое-что она все-таки нашла. Незванный гость оставил на ее кровати подарок...

Это был плоский сверток, небрежно завернутый в крафт-бумагу. В свертке могло быть что угодно, от безобидного до смертельно опасного, но Мирослава уже приняла решение.

Оберточная бумага с тихим шуршанием упала к ее ногам, а в руках у Мирославы остался изрядно потрепанный, пожелтевший от времени дневник Августа Берга...

Та дамочка хотела от Августа невозможного, она хотела, чтобы он сконструировал еще одну башню. На остров она приплыла в сопровождении городского головы и долговязого, прыщавого мальчишки. На остров приплыла, но переступить порог маяка, последнего убежища и добровольного узилища Августа, не стала. Так и осталась стоять

черной, как из бумаги вырезанной тенью в ярком прямоугольнике дверного проема. Городской голова и мальчишка в нерешительности топтались за ее спиной, не зная, как подступиться к Августу.

В тот день он был пьян. Впрочем, как и все предыдущие дни. Дешева самогонка делала его бесчувственным и мизантропичным, давала хоть какие-то силы жить. Дешева самогонка была для него наилучшим собеседником. Она и безымянная рябая кошка, прибившаяся к маяку. Вот такая была у Августа компания. Остальных он гнал прочь, не стесняясь в выражениях. На сей раз тоже не постеснялся, хоть в изящном темном силуэте, застывшем на его пороге, угадывалась дама. Прошли те времена, когда Август считал себя дамским угодником.

А она не сдалась и, кажется, нисколько не смутилась неласковым приемом. Она осталась ждать снаружи, в то время как городской голова опасно переступил порог маяка.

— Графиня Агния Витольдовна Горисветова желает с вами пообщаться, мастер Берг, — проблеял он, брезгливо оглядываясь по сторонам. — Дело безотлагательное, очень выгодное, — добавил, понижая голос до заговорщицкого шепота. — Есть для вас работенка!

Август не желал общаться и не желал работенки. Он хотел пить. В глотке драло, голова кружилась с тяжелого похмелья.

— Подите к черту со своей работенкой, — сказал он как можно вежливее и потер виски. Голова не только кружилась, но еще и раскалывалась.

— Нездоровится? — В голосе городского головы был елей, но не было и капли сочувствия.

— Как видите. — Август встал, покачнулся, но удержался на ногах, алюминиевым ковшиком

зачерпнул воды из стоящего на табурете ведра, с жадностью принялся пить.

Когда допил, рядом с городским головой уже стоял парнишка. В одной руке он держал объемную кожаную папку, а во второй бутылку французского вина. У Августа еще доставало ума и памяти, чтобы узнать свою любимую марку. Ума и памяти доставало, а вот сила воли закончилась.

— Это вам, мастер Берг. — В голосе парнишки звучала какая-то странная смесь восхищения и разочарования. — Агния Витольдовна велела кланяться.

Агния Витольдовна — это, стало быть, та самая дамочка, что маячит снаружи. Умная дамочка, умеющая найти подход к жаждущему гению.

Август молча взял бутылку, так же молча выдернул пробку и, не озаботившись поисками кружки, принялся жадно пить прямо из горлышка.

Вино было прекрасно! Он уже и думать забыл, как это бывает, когда не просто заливаешь в себя жгучую горечь, а смакуешь каждый глоток. Вот и вспомнил.

Он пил, а парнишка украдкой поглядывал на разложенные на столе чертежи и наброски. Ничего интересного, так... все по мелочи, чтобы окончательно не сойти с ума. Парнишке нравилось то, что он видел. Нет, не так. Увиденное вызывало в нем восторг! В зачерствевшей и заспиртованной душе Августа что-то шелохнулось, что-то из нормальных человеческих чувств, почти забытое, сознательно изгнанное из сердца и памяти.

— Что скажешь? — спросил он, ставя наполовину опустевшую бутылку прямо на чертеж.

Лицо парнишки исказилось болью. Август не сразу понял причину этакое терзания, а когда понял,

несказанно удивился. Парнишка переживал, что вино может испачкать чертеж.

— Это виадук? — спросил он, не сводя взгляда с чертежа.

Кто бы из оставшихся в жизни Августа людей разобрал в этом хитросплетении линий виадук? Никто бы не разобрал! Да он бы никому и не показал. Просто парнишка оказался настырным и глазастым.

— Как звать? — спросил Август, убирая бутылку с чертежа.

— Леня... — Парнишка густо покраснел. — Леонид Ступин, господин Берг. — И тут же, словно в одночасье решившись на очень важный шаг, выпалил: — Я поклонник вашего таланта!

Получилось смешно и наивно. Август хохотнул.

— Разве я оперная певичка, чтоб иметь поклонников?

— Простите. — Леонид смутился, краски покинули его лицо. — Я неправильно выразился. Ваши работы... Я считаю их гениальными! Все до одной, мастер Берг!

Это было так наивно, так искренне и одновременно так странно, что впервые за долгие месяцы Августу стало любопытно.

— Где вы видели эти работы, юноша? — спросил он, делая еще один осторожный глоток из бутылки.

— В Перми! Тут, в Чернокаменске! В журналах по архитектуре! Агния Витольдовна выписывает их специально для меня! — принялся с жаром перечислять Леонид. — Вот этот маяк... — Он запрокинул голову вверх. — Это ведь настоящее произведение искусства!

— Агния Витольдовна — это твоя маменька? — Август не стал оборачиваться, парнишка интересовал его куда сильнее, чем дамочка.

— Это моя... благодетельница. — Леонид на секунду замешкался, подбирая правильное определение. На помощь к нему тут же пришел городской голова. Почувствовал интерес Августа старый лис!

— Графиня Горисветова великого сердца человек! — сказал он громко, чтобы дамочка непременно услышала его дифирамбы. — Она основала приют для талантливых сироток. — При слове «сиротки» он небрежно кивнул в сторону Леонида. — Собирает бедняжек по всему свету, дает им кров и пищу, развивает их гений! Понимаете, мастер Берг, кто просит вас об одолжении? — Слово «одолжение» он произнес едва слышным шепотом и многозначительно выпучил глаза.

— У вас какой гений, молодой человек? — От городского головы Август отмахнулся, с любопытством посмотрел на парнишку.

— У меня не гений... — тот испуганно покачал головой, — у меня так... некоторые склонности.

— И эти склонности лежат в вашей папочке? Я правильно понимаю?

Мальчишка кивнул. Рука, сжимающая папочку, заметно дрожала. Так дрожали руки самого Августа после сильного переполя, но дрожь парнишки явно была нервического характера.

— Покажите-ка! — Широким жестом он смахнул собственные чертежи на пол, освобождая место для папки Леонида. — Да побыстрее, молодой человек! У меня не так много времени!

Парнишка бросился выполнять приказ. Его руки больше не дрожали, а губы сжались в тонкую решительную линию. Он был готов выслушать приговор.

Август с кряхтением уселся за стол, потянулся за папкой, вытащил сначала один чертеж, потом другой... Он пересмотрел все, что лежало

в папке. Он смотрел, а Леонид застыл за его спиной соляным столбом и, кажется, даже перестал дышать. Август тоже перестал, потому что на столе перед ним лежали свидетельства того, что судьба и в самом деле свела его с гением. Робкий юноша с пылающим взором оказался настоящим бриллиантом. И пусть этому бриллианту недостает хорошей огранки, но сияет и искрится он уже сейчас.

Август обернулся, снизу вверх посмотрел на Леонида, под его взглядом тот смертельно побледнел, даже покачнулся.

— Что, говоришь, хочет твоя патронесса? — спросил Август. Он уже знал, что сделает все, что захочет Агния Горисветова. Но сделает это не для нее и даже не для себя, а ради вот этого парнишки, в котором Август вдруг увидел самого себя, но юного и счастливого.

За спиной шумно и облегченно выдохнул городской голова, кинулся объяснять и зазывать Августа на божий свет. Идти к свету Август наотрез отказался, а Агния Горисветова наотрез отказалась воспользоваться его гостеприимством. Городской голова так и метался туда-сюда от света к тьме, передавая пожелания, выясняя требования. Наконец Август устал от этих метаний, да и принесенное вино успело закончиться. Но перед тем, как закончиться, оно сделало Августа добрее и сговорчивее настолько, что он любезно принял приглашение Агнии Витольдовны посетить Горисветово в ближайшие же дни. Сказать по правде, если бы не парнишка, Август не шелохнул бы и пальцем, но парнишка смотрел на него полным мольбы взглядом. Парнишке был нужен наставник, а Августу... А Август еще и сам не знал, что ему нужно. Просто что-то шелох-

нулось в душе, и ему вдруг захотелось оставить при себе это робкое чувство.

...Албасты¹ появилась, когда незваные гости уплыли с острова. Сначала Август увидел извивающиеся в воздухе белые косы. Кончик одной косы ласково поскреб по холке урчащую кошку, вторая обвилась вокруг пустой бутылки. Август вздохнул, потянулся за ковшом с водой, сказал, напившись:

— Выходи.

Она выплыла из темноты. На сей раз юной и прекрасной девой. Такой прекрасной, что глаз не отве-сти. Кошка довольногнула спину, льнула под ласковую девичью ладонь. Кажется, только одна кошка ее и любила. Сам он просто не боялся. Но для такого существа, как албасты, отсутствие страха уже было сродни любви.

— Гости? — Албасты уселась на лавку, длинные косы обвились вокруг ее узких щиколоток.

— В гости зовут. — Август подпер кулаком небритую щеку, уставился на оставленную Леонидом папку с чертежами.

— Мальчишка понравился. — Албасты не спрашивала. Албасты видела его насквозь.

— Не смей его обижать! — Август вскинулся, запоздало вспомнив, на что она способна. — Даже не думай!

Она рассмеялась, ее смех колокольчиком зазвенел в гулком пространстве маяка. Зазвенел и тут же оборвался.

— Я хотела на нее посмотреть. — А голос из молодого и звонкого сделался вдрызг сиплым.

---

¹ С историей албасты и Августа Берга можно познакомиться в цикле «Тайна старого поместья».

Августу не нужно было поворачивать голову, чтобы понять, что на лавке рядом с ним уже сидит не юная дева, а нездешняя тварь, на которую лучше вообще не смотреть.

— Она предпочитает свет. — Он пожал плечами, отпихнул носком сапога ползущую к нему змею, которая еще пару мгновений была длинной девичьей косой.

— Ой ли... — Змея с шипением уползла под лавку, а на плечо Августа легла когтистая рука. — Как же ты наивен, старик, — сказала албасты.

Она исчезла так же внезапно, как появилась, оставив после себя стужу и холодные дорожки росы на каменной стене маяка. А он еще очень долго слышал змеиное шипение из темноты...

Перед поездкой в Горисветово Август заказал сразу две бутылки вина, не такого хорошего и дорогого, как то, что передала ему Агния Горисветова, но тоже весьма недурственного. А потому в усадьбу он явился уже мертвецки пьяным, из кареты не вышел, а, считай, вывалился. Вывалился бы наверняка, если бы не подбежавший Леонид. Парнишка на сей раз был одет по-простому, в холщовые штаны и рубаху, и вихры его в отсутствие бриолина вились мелким бесом. Почти как у Августа в молодости.

Леонид сразу же отвел Августа в его комнату, видать, смекнул, что в таком состоянии его ни в коем разе нельзя показывать патронессе. И показывать ему усадьбу тоже бессмысленно. Август был за это весьма благодарен. И накрытый в комнате стол он тоже оценил по достоинству. Графиня Го-

рисветова не скупилась, обед был роскошен и щедр. Вот только одному ему все эти яства ни за что не съесть.

— Присоединяйся, Леонид! — Август кивнул на свободный стул. — Поедим, потолкуем.

Парнишка попятился, во взгляде его появилось какое-то странное выражение, такая смесь отчаяния и желания. Август хоть и был пьян, но дураком себя не считал и в людях разбираться умел.

— Садись, — велел он. — Я настаиваю, а остальные не узнают.

Остальные — это Агния Горисветова, не иначе. Вот такая у нее забота о бедных сиротках. На людях одно, а на деле — совсем другое. Парнишка, очевидно, недоедал. Оттого и худоба, и бледность.

Обедали молча. Манерам парнишка был обучен, вилок и ножом управлялся ловко, но было видно, что такая еда ему в диковинку, оттого и жадное нетерпение, оттого и этот блеск в глазах. Но от предложенного бокала вина он отказался категорически. Август не стал настаивать. Кому, как не ему, знать, к чему приводит дружба с Дионисом? Сам он тоже вино лишь пригубил. Для встречи с графиней Горисветовой ум ему был нужен более-менее ясный, а для того нелишним было бы немного поспать. Что он и сделал, отослав Леонида и велев разбудить его ровно через два часа. Двух часов должно было хватить.

Приказ Леонид исполнил в точности и, кажется, с превеликим удовольствием. Парнишке не терпелось показать Августу усадьбу и приступить к работе. А вот его патронесса желания пообщаться с самим мастером Бергом так и не изъявила, передала через Леонида заверения и прочую светскую чушь, извинилась за то, что предпочитает вести уеди-

ненный образ жизни, поэтому связь они будут держать через Леонида. Августа такой расклад весьма устраивал. Леонида, похоже, тоже. И последующая неделя, проведенная Августом в Горисветове, была едва ли не первой светлой неделей за долгие месяцы уныния и скорби.

Помимо Леонида, общаться ему приходилось со старым глухонемым слугой, да пару раз с местной приютской ребятней. Ребяшня была такая же худая, бледная и увлеченная, как и Леонид. Августу довелось понаблюдать за шахматной партией, состязаниями в фехтовании, музицированием и рисованием. Воспитанники Горисветовского приюта были разновозрастными и все до единого необычайно талантливыми. Похоже, Агния Горисветова делала благое дело, собрав под одной крышей столько юных гениев. Вот только кормила она своих воспитанников скверно. Когда Август сказал об этом Леониду, тот залился краской не то злости, не то стыда и с некоторым вызовом сообщил, что человеку для развития талантов надлежит быть голодным, что сытость порождает праздность. Август позволил себе с ним не согласиться, но спорить не стал и продолжил украдкой подкармливать его разносолами со своего стола.

К делу они приступили на следующий день. По этому поводу Август даже решил не напиваться с самого утра. Задачку графиня Горисветова поставила перед ним заковыристую. Августу надлежало спроектировать башню. Да не простую, а в форме гигантской свечи. Леонид упрямо называл это сооружение светочем, Август не возражал. У него родился план, который он вознамерился воплотить в жизнь в ближайшее же время. Это был их с Леонидом секрет. Башню, этот монструозный светоч, проектировал Леонид. Да, Август его направлял и сверял-

ся с каждым расчетом, да, он давал дельные советы, но идея была не его! Идея целиком и полностью принадлежала мальчишке. Это он рассчитывал все до последнего камешка в кладке. И как-то так вышло, что, увлекшись новым проектом, Август и думать забыл про вино. Как-то все не до того было! Спал он теперь урывками, по четыре-пять часов в сутки. А Леонид, кажется, и вовсе не спал, за что регулярно получал от Августа нагоняй.

У них получился прекрасный тандем. Никогда-никогда у великого Августа Берга не было ученика, а теперь он появился! Появился и сделал вдруг Августа если не счастливым, то хотя бы спокойным. Вот такое чудо!

Август вернулся к себе на остров, когда проект был уже полностью завершен и одобрен графиней Горисветовой. Свое одобрение она передала через Леонида вместе с чеком на весьма щедрую сумму и пожеланием видеть господина Берга на стройке так часто, как это будет возможно. Август не возражал. В первый же день в Чернокаменске он обналичил чек и во время своего следующего визита в усадьбу сунул внушительную пачку в руки растерявшемуся и смущенному Леониду.

— Бери-бери! — сказал строго. — Имя мое, но работа твоя. Стало быть, и деньги твои.

Подумалось вдруг, что можно было открыть на имя Леонида банковский счет, воспользоваться которым парнишка смог бы при достижении совершеннолетия. Ждать оставалось недолго, всего какой-то год. Но дело было сделано, и Август надеялся, что парень сумеет распорядиться полученной суммой с умом.

Он и распорядился. Накупил сладостей мелюзге, новый кафтан глухонемому прислужнику Тихону и подарок самому Августу. Это был блокнот для запи-

сей, дорогой, обтянутый тисненой телячьей кожей с плотными и хрусткими страницами. Как же давно Августу не дарили подарков, чтобы вот таких — от чистого сердца и от души! Это было такое приятное чувство, что Август пообещал и себе, и Леониду, что непременно использует блокнот по прямому назначению, станет вести дневник. Ничего особенного, просто забава и тренировка мозгов, чтобы не ржавели и не скрипели от безделья. Здесь же можно будет делать кое-какие наброски, касающиеся их с Леонидом совместной работы. Вот такая двойная польза!

Строительство башни, которую Леонид продолжал называть светочем, а сам Август именовал по-простому Свечной, шло споро. Не было заминки ни в деньгах, ни в рабочих руках. Агния Горисветова не скупилась. С Августом они по-прежнему виделись мельком, в лучшем случае обменивались вежливыми приветствиями, но чаще всего графиня избегала его общества. Эта странность Августа не расстраивала, а лишь слегка удивляла. Даже тех мгновений, что выпали на их общение, хватало, чтобы оценить поразительную, какую-то нездешнюю красоту этой женщины. Будь Август помоложе, он бы сказал — опасную красоту. Но Август был немолод и сердце его принадлежало одной-единственной женщине, неизбежной встречи с которой он ждал с нетерпеливой радостью. И потому красоту Агнии он оценивал исключительно с художественной точки зрения. Пару раз ему даже хотелось испросить разрешение нарисовать ее портрет. Желание это исчезло в тот самый момент, когда он увидел картину, написанную одним из воспитанников приюта Горисветово. Это был не портрет Агнии, это было ее почти ожившее отражение. Сходство было таким поразительным, что поневоле делалось страш-